

Татьяна Торлина

Капитан Виктория у себя дома в Мельбурне. 2016 г.

ТАТЬЯНА ТОРЛИНА

«А ГОДЫ МОРСКИЕ ВИНТАМИ СКВОЗЬ СЕРДЦЕ ПРОКРУЧЕНЫ...»

(Поэт Ян Вассерман, судовой врач-дальневосточник)

К 250-летию со дня трагической смерти капитана Витуса Беринга

*Коломбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на Восток...
М. Ломоносов*

У МЕНЯ ЗАВЕЛАСЬ В МЕЛЬБУРНЕ НОВАЯ подруга — бывалый яхтенный капитан Виктория Островская, с которой читатели уже знакомы (см. «АМ» № 35). Недавно, в июне 2016 г., она пожаловала ко мне в гости в Сидней. Прибыла, как истинная россиянка, не с пустыми руками, а с уморительными дарами — в дорожной сумке-холодильнике лежали контейнеры с замороженным борщом из собственноручно выращенных овощей и с двумя дюжинами заледенелых пышных котлет. А ещё гостя держала в руках несчётные полиэтиленовые мешочки, набитые щавелем, свёклой и пахучей зеленью, — всё накануне сорвано с четырёх грядок в заднем дворике у дома.

И даже деликатесные ягоды фейхоа — прямо с дерева в том же бэк-ярде...

Мы сидим у меня дома в Сиднее и пируем. Виктория — большая сладёна. Ей по душе мои шоколадные вкусности, хотя и сетует на прилипший к ней на старости лет диабет...

Мы говорим и говорим... О чём? Ни за что не поверите, — о Витусе Беринге! Нынче особый год — 275 лет со дня его трагической кончины. А Виктория тридцать пять лет назад, в 1981-м году, вместе с товарищами, тогда ещё как простой матрос, прошла на яхте путём этого русского Колумба и побывала на месте его последнего пристанища — на острове Беринга на Командорах. Ей повезло стать участницей уникальной научно-исторической и спортивной экспедиции «Беринг-81». Организовал захватывающий многолетний цикл «беринговских» экспедиций в 70-е годы человек, поистине выдающийся, — Леонид Константинович Лысенко.

«На его счету десятки дальних походов под парусами. Такого парусного стажа нет ни у кого из яхтсменов России. Между прочим, он выводил яхту на старт гонок „Сидней — Хобарт“ и „Кубок Южного Креста“. Так что в Австралии он тоже был на слуху. В одиночку пересёк на яхте Атлантический океан...» — с явной гордостью перечисляет Виктория.

Но походы по морям-океанам — это летом, во время отпуска. А зимой каждый яхтсмен занимался своим повседневным делом. Виктория преподавала в московской «Бауманке». Глава похода Леонид Лысенко, теперь профессор кафедры «Управление судном» Морской академии¹, читал лекции и проводил семинары в тогдашнем ДВВИМУ. Он, яхтовый фанат, начиная с 1973 года, сделал парусные путешествия тематическими, в частности, «беринговскими», — у «отпускных» походов под парусом появилась историческая составляющая. Прежде на яхтах ходили в дальние походы только разряды получать...

«Когда Леонид Константинович начинал рассказывать про исторические события, мы невольно забывали, что по основной специальности он электромеханик. Историю русского мореплавания знает не хуже, чем тонкости любого судового механизма...» — замечает Виктория.

Во время плавания Виктории полагалось не только справляться с матросскими обязанностями, но и писать в местную и центральную прессу об увиденном и узнанном во время путешествия и, конечно, о самом «виновнике» похода — о легендарном командоре.

«Беринг родился в Дании и до 22-х лет жил на родине, так что про молодость его мало что можно было выудить тогда — интернета ведь не было, — улыбается Виктория. — Но Леонид Константинович наладил переписку с датскими биографами Беринга. Перед самым нашим походом он получил письмо из Дании, с родины командора, в котором точно указывалась дата рождения Витуса в городе Хорсенсе — 1 августа 1681 года. А в СССР во всех справочниках стояла другая — 12 августа. Оказалось, в этот день его крестили. А свидетельство о крещении, кстати, дожило до наших дней...»

В письме обнаружилось ещё несколько интересных подробностей. Фамилию Беринг — будущий мореплаватель — унаследовал не от отца Йонаса Свендсена, простолудина, таможенника и попечителя местной церкви, а от матери, чей старинный

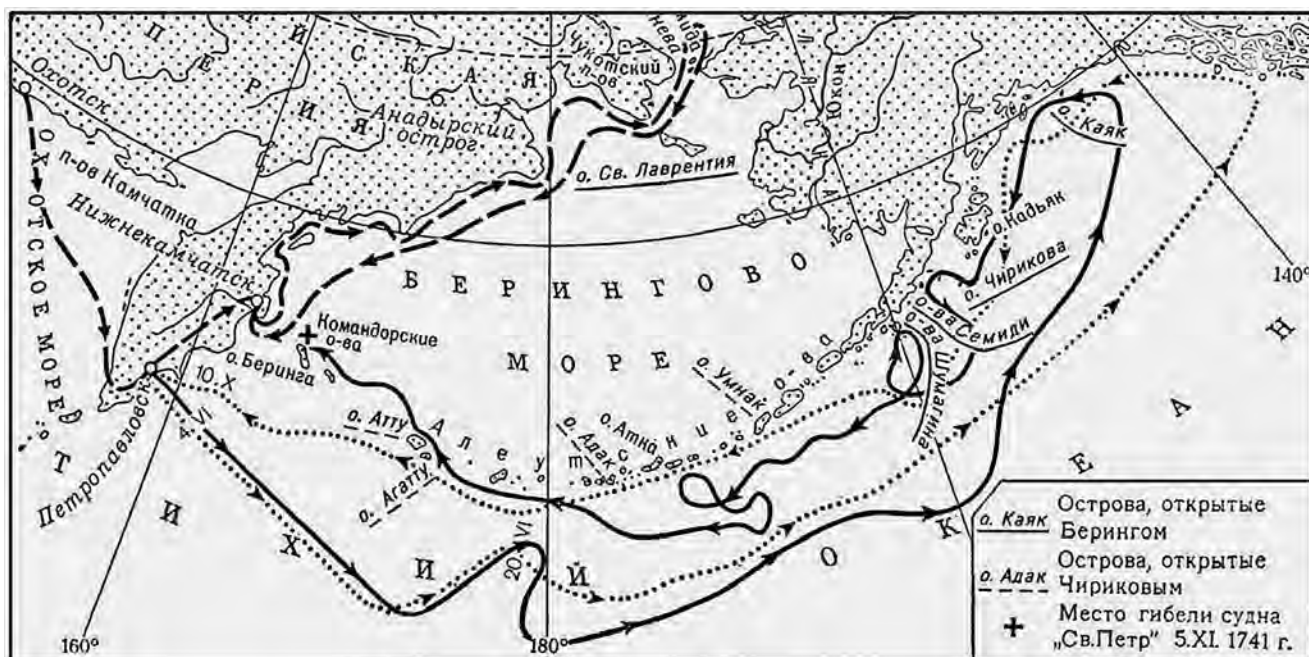
Организовал экспедицию человек, поистине выдающийся, — Леонид Константинович Лысенко

род был весьма уважаем. Но семья жила бедно. Это видно из описи имущества после смерти Йонаса Свендсена и Анны Беринг в 1719-м году, когда Витус уже жил в России. Сохранилась и запись из купчей: «Оба мы — старики, немощны и дряхлы, не на что нам жить, а всё наше имущество состоит из старого обветшалого двора, в котором мы живём, да фамильной обстановки, стоимость которой мала».

«Оригинал письма из Дании наша экспедиция преподнесла в дар Алеутскому районному музею. Пусть смотрит и читает местный люд — это лучше, чем в архивах гноить», — убеждала меня Виктория.

В 22 года от роду Витус Беринг, уже бывалый моряк, за плечами которого было несколько плаваний к берегам Ост-Индии, завербовался на русскую службу и 37 лет — до конца своих дней — верой и правдой служил России. Император Пётр Первый лично знал и ценил Беринга. У русского государя «идеей фикс» всегда был поиск выхода России на просторы мирового океана. Но к Чёрному морю прорваться не удалось. Господство на Балтике было весьма относительно — шведы или датчане в любую минуту могли перекрыть узкую горловину выхода из Балтики на атлантические просторы. Оставался Северный морской путь и Дальний Восток. Сквозь пролив между Азией и Америкой российские суда могли бы прорваться к Индии и Китаю. Если там был пролив. 23-го декабря 1724 года, незадолго до смерти, Пётр I издал указ об организации экспедиции на Камчатку и для руководства ею поставил морского офицера Витуса Беринга, которого предложила ему Адмиралтейская коллегия: «поскольку

¹ Морская академия входит в состав Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского во Владивостоке, где готовят специалистов морского транспорта. Прежде именовался ДВВИМУ (Дальневосточное высшее инженерное морское училище имени адмирала Г. И. Невельского).

Великая Северная экспедиция

он в Ост-Индии был и обхождение знает». Задачи экспедиции Берингу собственноручно расписал сам Пётр: «1. Надлежит на Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами. 2. На оных ботах [идти] возле земли, которая идёт на Норд и по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки. 3. И для того искать, где она сошлась с Америкою и чтоб доехать до какого города Европейских владений... И самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюда».

Беринг решительно взялся за дело. Благодаря личной его энергии, ни внезапная кончина Петра I, ни последующая политическая грызня за престол в высших российских кругах не помешали экспедиции. Беринг и его товарищи блестяще справились с поставленной задачей — исследовали и нанесли на карту большую часть побережья Камчатки и Чукотки. И главное — доказали, что Азия и Америка не соединяются между собой. Не найдя Американского берега, экспедиция возвратилась в Охотск, впервые обогнув Камчатку с юга, нанеся на карту её истинные границы и доказав, что Камчатка не соединяется с Японией, как полагали некоторые.

А в 1733-м году стартовала Вторая Камчатская экспедиция, более известная как Великая Северная. Слово «Великая» в названии — отнюдь не для красного словца, не для помпы и не для возвеличивания собственных заслуг, ибо назвали так экспедицию не сами участники, а благодарные потомки. Мы сейчас даже представить себе не можем

масштабы подвига, совершенного семью отрядами Великой Северной экспедиции. И нельзя сказать, что местные власти встречали Витуса и его соратников с распростёртыми объятиями. Не понимали, не любили, не помогали... Семь отрядов нанесли на карту северное и восточное побережье России, внутренние территории Восточной Сибири, разведали пути в Америку и Японию, открыли побережье северо-западной Америки, острова Курильской и Алеутской гряды. Однако из второго путешествия ни сам Беринг, ни десятки его соратников уже не вернулись...

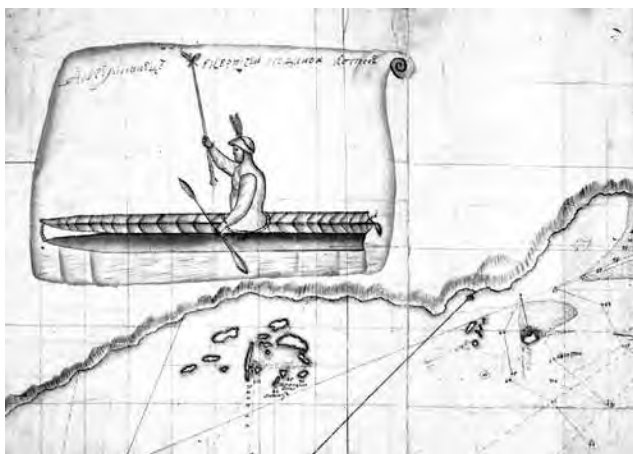
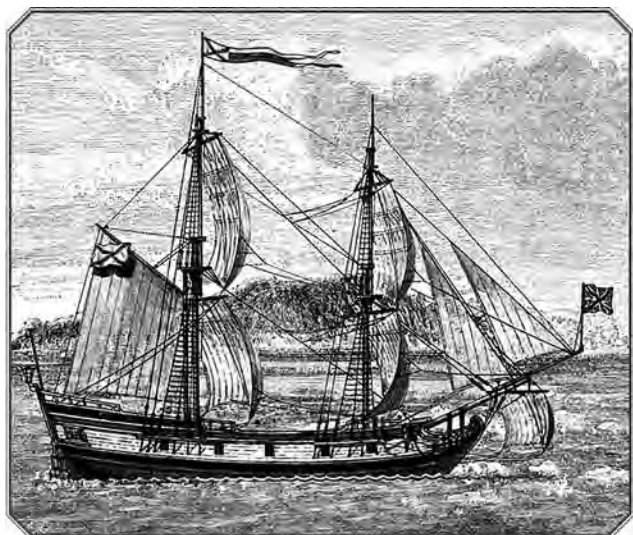
А Виктория между тем взволнованно рассказывала мне, как зачитывались яхтсмены из экспедиции «Беринг-81» дневниковыми записями старшего офицера пакетбота «Святой Пётр» Свена Вакселя, детально поведавшего о Втором Камчатском путешествии, о зимовке на диком острове, о последних днях командора...

... Из записок старшего офицера пакетбота «Святой Пётр» Свена Вакселя²: «4 июня 1741 года мы с Божьей помощью вышли под парусами при попутном ветре из Авачинской бухты³ в открытое море. <...> Мы рассчитывали уложиться в нашем плавании в такие сроки, чтобы к концу сентября снова вернуться в Авачинскую бухту. <...>

20 июля <...> Вечером в 6 часов бросили якорь вблизи довольно большого острова, расположенного

² Свен Ваксель. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. — Л. — М.: Изд-во Главсевморпути, 1940

³ Авачинская бухта — крупная незамерзающая бухта Тихого океана. Открыта Витусом Берингом в 1729-м году.

неподалеку от материка (Северная Америка — Прим. ред.). <...> Капитан-командор Беринг, видимо, был не очень расположен оставаться долго на этом месте. (Беринг объявил команде о необходимости немедленно возвращаться обратно, поскольку до Камчатки далеко, впереди зима, и запасов мало, и значительная часть команды больна, включая его самого — Прим. ред.). <...>

21 июля ровно в 6 часов утра отошли от этого места». <...> Уже кончался август. Наши люди стали сильно хворать цингой. <...> Постоянно стояла туманная и облачная погода. <...> Мы должны были плыть в неизведанном, никем не описанном океане, точно слепые, не знающие, <...> где вообще находятся. Не знаю, существует ли на свете более безотрадное или более тяжёлое состояние, чем плавание в неописанных водах. Говорю по собственному опыту и могу утверждать, что в течение пяти месяцев этого плавания в никем ещё не изведанных краях мне едва ли выдалось несколько часов непрерывного спокойного сна; я всегда находился в беспокойстве, в ожидании опасностей и бедствий. <...> К 4 октября <...> многие из нашей команды <...> до такой степени были разбиты цингой, что большинство из них не могло шевельнуть ни рукой, ни ногой и тем более не могло работать. <...> Многие <...> стали в это время помирать, так что редко проходил день, когда бы нам не приходилось бросать в море покойников. <...> ... У меня теперь не оставалось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном. <...> Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе. <...> Капитан-командор Беринг уже в течение долгого времени лежал больной. <...> И при всем том стояла поздняя осень, октябрь-ноябрь, с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, градом и дождем. К тому же мы не имели понятия, что может встретиться нам по пути, и каждую минуту были готовы испытать последний гибельный для корабля удар. <...>

Наш корабль плыл, как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать. Я старался поднять мужество своих матросов и уговаривал их, чтобы они не падали духом и не отказывали мне в помощи по мере оставшихся сил. <...> В таком ужасном состоянии

Сверху вниз:

Пакетбот «Святой Петр» — флагман Второй Камчатской экспедиции. Рис. XIX века

Вулкан Авача близ Петропавловска-Камчатского. Гравюра XIX в.

Встреча русских с алеутами. Рисунок Свена Вакселя
Морской навигационный компас XVIII-го века

мы дрейфовали по морю в разных направлениях до 4 ноября, когда в 8 часов утра увидели землю — высокие горы, покрытые снегом. <...> (это был остров Берингов. — Прим. ред.) На следующее утро, то есть 5 ноября, мы обнаружили, что все главные снасти по правому борту лопнули. <...> Увидя, что мы находимся в таком угрожаемом и беспомощном состоянии, я доложил об этом капитану-командору Берингу, который уже в течение многих недель не покидал постели. Он приказал собрать в его каюту всех старших и младших офицеров, а также всю команду, чтобы держать совет: как поступить лучше всего, чтобы добиться спасения. <...> Все согласились на том, чтобы высадиться здесь и попытаться спасти нашу жизнь и, если удастся, то сохранить также в целостности судно. <...> Бросили и потеряли один якорь — якорный канат лопнул, бросили другой якорь — канат его немедленно разорвался, и пользы от него было столько же, как если бы его вовсе не бросали. <...> Но при всех наших неудачах нам улыбнулось неожиданное счастье. Не успели бросить третий якорь, — мы, конечно, потеряли бы и этот якорь, — как наш корабль перебросило волнами через каменную гряду, и мы оказались в спокойной тихой воде. Мы бросили якорь <...> на чистом песчаном грунте, примерно в трехстах саженях от берега, и остались там стоять в течение всей ночи в ожидании наступления дня. Впоследствии мы узнали, что по побережью этого острова, на всем его протяжении, нет другого места, пригодного для причала судна, кроме этой единственной бухты».

...275 лет спустя. Давайте посмотрим на Командора сегодняшними глазами. До недавнего времени считалось, что офицер русского флота, уроженец Дании Витус Беринг открыл пролив между Азией и Америкой. Умер от цинги во время Второй Камчатской экспедиции. Официальная биография командора Беринга выглядела именно так. А потом вдруг выяснилось: пролив не открывал, цингой не болел, умер при загадочных обстоятельствах. Более того, все известные изображения командора не имеют ничего общего с его реальным портретом...

Тайны великого Командора стали приоткрываться именно после многолетних яхтенных походов,

Сверху вниз:

Из морского альбома Виктории Островской.

Яхта «Чукотка».

Экипаж яхты «Чукотка» (слева направо):

Сергей Монинец (впереди), Сергей Ракута,

Леонид Лысенко, Фёдор Конюхов,

Евгений Сафонов

задуманных и осуществлённых Леонидом Лысенко. К яхтсменам подключились известные географы, историки, археологи, медики...

Мы с Викторией гоняем чай и о Беринге ведем разговоры в Австралии. Причём, очень близко от места, где бросил якорь капитан Джеймс Кук и 22 августа 1770 года от имени короля Георга III торжественно провозгласил исследованную им землю собственностью Британии и назвал её Новым Южным Уэльсом. Он действовал по секретной инструкции, полученной в Лондоне. Вот её фрагмент: *«Секретно. Комиссары службы Верховного лорда-адмирала Великобритании лейтенанту Джеймсу Куку, командиру барка Его Величества „Индевор“, Галлион-Рич 1. Вы должны также тщательно наблюдать свойства почв и всего, что на них произрастает. <...> Буде же обнаружите Вы руды, минералы или драгоценные камни, Вы должны доставить образцы таковых. <...> Вы должны также наблюдать нрав, дух и расположение туземцев, отмечая численность их, и любыми средствами пытаться установить с ними дружбу и согласие, вручая им в дар безделушки. <...> Вы должны, также с согласия туземцев или, если <...> земля необитаема, вступить во владение ею для Его Величества в качестве первооткрывателей и первоовладетелей, устанавливая при этом необходимые знаки и надписи».*

Материалы русских экспедиций тоже были строго секретными. Нынешние эксперты не без основания полагают, что Государева письменная инструкция Берингу, которая обозначалась: «Об открытии соединения Азии с Америкой», — составлялась для отвода глаз, а на самом деле Пётр 1 знал, что между двумя континентами существует пролив. На картах 16-го века, составленных патриархом космографов — великим Герардом Меркатором, этот пролив был обозначен как Анианский. Тогда какова настоящая цель экспедиции? Историки считают, что были и секретные цели у Камчатских путешествий. Возможно, как у любой крупной экспедиции, касающейся взаимоотношений с другими государствами, ну хотя бы с теми же колониями, которые существовали в это время, скажем, на территории Америки. Беринг тоже одаривал встреченных туземцев подарками и бисером. Неслучайно Аляска к концу 18-го столетия стала русской...

«В нашей экспедиции „Беринг-81“ участвовало 10 яхтсменов. Мы шли на двух яхтах — „Чукотка“ и „Русь-2“, — перешла к рассказу о своём «беринговом» походе Виктория. — „Чукотку“ вёл Лысенко. А „Русь-2“, куда определили меня, — яхтенный капитан инженер Юрий Рохин из Комсомольска-на-Амуре.. Нашу яхту „Русь-2“ он сделал своими руками. Шли на Командоры из Петропавловска-Камчатского.

Самодельная яхта «Русь-2»

Перед нами стояла вполне конкретная задача — воспроизвести действительный маршрут пакетбота „Святой Пётр“ возле Командорских островов. Для этого нам предстояло на современной карте проложить почасовой путь пакетбота. А затем на яхте, которая, как и пакетбот, вооружена только парусами и имеет примерно такую же скорость хода, пройти последовательно точку за точкой его маршрут. А ещё выполнить с яхты наблюдения навигационных ориентиров и географических пунктов и сравнить с записями в вахтенном журнале пакетбота „Святой Пётр“...»

Виктория вдруг прервала свой рассказ и засмеялась. Оказывается, вспомнила, как в Петропавловске-Камчатском одна женщина, взглянув на самодельную яхту «Русь-2», спросила: «Вы что же, на этой лодчонке будете у Командор плавать? А туда вас, конечно, на теплоходе повезут?» Вопрос смешной, но резонный. Эта женщина видела, как обе яхты доставили в столицу Камчатки на теплоходе. Поэтому Виктории трудно было её разубедить и объяснить, что сделано это было ради экономии времени — ведь все яхтсмены в отпуске.

И вот 18 июля 1981 года — из Петропавловска-Камчатского вышла экспедиция «Беринг—81». В экспедиции параллельно действовало два отряда. Один — морской, то есть яхтенный. Второй — сухопутный. Он отдельно добирался на Командоры на теплоходе, чтобы на острове Беринга помочь историкам и археологам в раскопках места зимовки экипажа пакетбота «Св. Пётр» в 1741–1742 годах.

Матрос Виктория Островская с первого до последнего дня похода, по незыблемой морской традиции, вела дневник. Она записала: «Утро 19 июля. Туман, низкая облачность. Температура воздуха +4 градуса. Холод пробирает сквозь шторм-робу, свитеры и меховые рукавицы. Туман, 240 лет назад

разъединивший пакетботы капитана Чирикова⁴ и капитана-командора Беринга, разъединил и наши яхты. <...> Шторм встретил нас в Тихом океане сразу же после начала похода. <...> 21 июля в 4 утра заступаем на вахту с Валерием Сигитовым — самым опытным из всех яхтсменов-курсантов этого похода. <...> По своим знаниям он готовый яхтенный капитан. <...> Когда Сигитов ведёт яхту, не слышно ни одного удара о волны. В искусстве управлять яхтой он уступает только Лысенко. <...> Но ветер крепчает, волна увеличивается. <...> Вода не успевает сливаться из кокпита — места в кормовой части палубы для управления яхтой, — и мы сидим в воде. Валера за румпелем. Он слился с яхтой, и она перекатывается с волны на волну. Вода монотонно, больно продолжает хлестать по лицу. Только успеваешь отворачиваться от очередной солёной холодной оплеухи... <...>

... Пробую вскипятить чай. На яхте двухконфорочная плита и газ. Сильная кормовая качка несколько раз опрокидывает чайник. Плита подвешена на кронштейны и раскачивается вместе с яхтой. Придерживаю чайник, сама крепко держась. С третьей попытки есть немного кипятка. Стоять у плиты в шторм — это самое трудное испытание в походе. <...>

... Берингово море встретило нас штормом. Да ещё одно, чисто бытовое испытание — кончился газ. <...> Уже двое суток мы взлетаем и падаем вместе с яхтой столько раз, сколько волн на нашем пути. Спим, одетые в шторм-робу. Особенно ответственны ночные вахты. Волну надо видеть, нельзя заснуть за румпелем. Как «клюнул» носом,

зазевался, — сразу предательский глухой удар яхты о волну, и порция холодного морского душа. Мы основательно просолились. Сухих вещей нет. А яхта всё взлетает и падает, взлетает и падает, и мы с ней. Так идём двое суток. По радиомаякам определяем, что до Командор 75 миль. <...> Поодиночке, парами, стаями стали появляться птицы — мы приближались к земле. 23 июля — 6-балльный шторм. И вдруг над яхтой: „Ура! Ура! Ура!“ — земля! У всех радостные лица, все смотрят на остров Беринга, вытянувшийся в узкую линию, за ней три сопки, покрытые снегом. Вот они — Командоры! Смотрю на остров, испытываю большую радость и немного не верится. О Командорах я мечтала семь лет. Они мне снились. Остров вызывает странное ощущение великой грозной силы природы. Высятся тёмные вершины из песчаника и травянистого покрова. В ложбинах лежит снег. И появилось ощущение спокойствия. Всё время до этого момента была тревога, что это может не состояться по той или иной причине...»

От Виктории я узнала, что бросить якорь в бухте Командор — той самой, куда, по счастью, волны перебросили через каменную гряду пакетбот «Св. Пётр», яхтсмены «Руси-2» не смогли. Помешали шторм, рифы и подводные камни. Пришлось уйти за мыс и встать на якорь под берегом. Над ними возвышалась отвесная скала. На ней — птичий базар. Справа шумели два водопада. Дикий край, нетронутая природа. За яхтсменами наблюдали любопытные каланы. Их белоусые и круглоглазые головы то здесь, то там появлялись из воды. Поймав рыбину, калан выныривал, передними лапами прижимал добычу к груди и, лежа на спине, неторопливо ел...

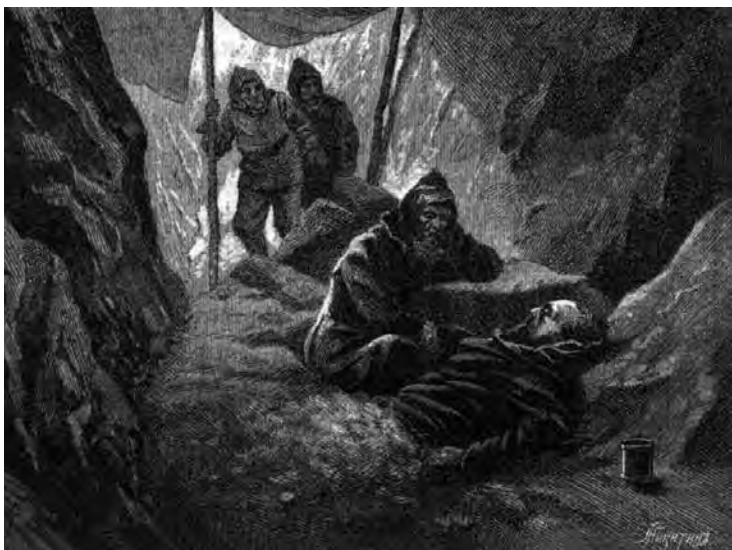
Калан

⁴ Мореплаватель Алексей Ильич Чириков (1703–1748) во время Второй Камчатской экспедиции в должности заместителя Беринга командовал пакетботом «Святой Павел». 20 июня 1741 г. в условиях шторма и густого тумана суда «Святой Петр» и «Святой Павел» потеряли друг друга. После нескольких дней бесплодных попыток соединиться, мореплавателям пришлось продолжать путь уже поодиночке.

... Из записок старшего офицера пакетбота «Святой Петр» Свена Вакселя:

«С превеликим трудом спустили на воду лодку, и 6 ноября 1741 года в 1 час пополудни я с адъютантом Стеллером поплыл к берегу, чтобы найти место, куда можно было бы высадить наших больных. Мы увидели, что земля вся покрыта снегом, с гор вытекает небольшая речка с отличной пресной водой, но что на этом берегу не растёт никакого леса и нет никакого топлива, если не считать выброшенного морем плавника, который, однако, в это время уже был покрыт снегом и разыскать который было нелегко. На берегу упомянутой маленькой речки было много песчаных холмов, а между ними довольно глубокие ямы, которые без особого труда можно было покрыть парусом и приспособить для помещения больных. К вечеру мы снова возвратились на борт и доложили капитан-командору Берингу обо всем, что видели на берегу. Было решено послать на берег на следующее утро всех людей, которые могли

Смерть Витуса Беринга. Рис. 1898-го года

хоть сколько-нибудь работать, чтобы приспособить упомянутые ямы для жилья больных. Это было выполнено 7 ноября, а 8-го с самого утра мы приступили к перевозке больных на берег. Многие из них умерли, как только попали на свежий воздух, несколько человек скончалось в лодке, так и не ступив на берег, а несколько человек умерло уже на берегу вскоре после высадки. Песцы, весьма многочисленные на этих островах, отгрызали им руки и ноги, прежде чем удавалось похоронить их.

Капитан-командора Беринга мы перевезли на берег 9 ноября, и после высадки четыре человека перенесли его на носилках, сделанных из двух перевязанных веревками шестов, в небольшую, отдельно для него приготовленную, землянку. По мере наших сил мы продолжали доставлять больных на берег. 19 ноября я еще оставался на борту с семнадцатью людьми, в большинстве тяжело больными, и с пятью мертвецами. <...> 21 ноября, наконец, на корабль прибыла лодка. Меня на руках перенесли в эту лодку, а затем четыре человека таким же способом, как командора Беринга, перенесли меня в ту же землянку, где находились остальные больные. Люди, находившиеся вместе со мной на борту корабля, одновременно со мной были также перевезены на берег. <...> Таким вот образом все мы, здоровые и больные, оказались на берегу этого пустынного острова. Корабль же наш остался стоять на якоре. <...> Для сохранения судна мы применили все средства, бывшие в нашем распоряжении, и оставили судно стоять на якоре, так как не могли ничего предпринять более для его сохранности. <...> Наше судно оставалось стоять на своих якорях до 28 ноября. В этот день ночью поднялась сильная буря, <...> при которой все якорные канаты лопнули, а корабль был выброшен на берег неподалеку от места, где мы

все разместились. Немногие наши люди, оставшиеся еще на ногах, наблюдали это печальное зрелище, несомненный дальнейший шаг на пути к полной нашей гибели, но не могли подать судну никакой помощи. Как мы впоследствии установили, следует считать еще большим счастьем, что судно прибило именно к берегу... <...> Мы оказались выброшенными на неизвестный и пустынный остров, без корабля, без леса для постройки другого судна, без провизии, с большим количеством людей, до последней степени больных, без лекарств или каких-либо средств для лечения больных, без жилья, — выброшенными, так сказать, под открытое небо. <...> Запасов продовольствия было так мало, что <...> постановили всем, без различия звания или чина, выдавать одинаковый паек. Между тем больные продолжали умирать один за другим. Столь велико было общее бедствие, что покойники оставались в течение довольно долгого времени лежать среди живых, так как не находилось никого, кто был бы в силах убрать их из землянки, а живые также были не в силах отделиться от умерших.

Капитан-командор Беринг скончался 8 декабря 1741 г. Тело его привязали к доске и закопали в землю; все остальные наши покойники похоронены

Могильный крест в честь командора на острове Беринга

были без досок. Не могу не описать печального состояния, в котором находился капитан-командор Беринг ко времени своей кончины, тело его было наполовину зарыто в землю уже в последние дни его жизни. Можно было бы, конечно, найти средства помочь ему в таком положении, но он сам не пожелал этого и указывал, что те части тела, которые глубоко спрятаны в земле, сохраняются в тепле, а те, что остаются на поверхности, сильно мерзнут. Он лежал отдельно в небольшой песчаной яме — землянке, по стенкам которой все время понемногу осыпался песок и заполнил яму до половины, а так как он лежал в середине землянки, то и получилось так, что тело его наполовину было засыпано песком. После смерти командора мне, как старшему по рангу, пришлось принять командование. Хотя в то время я лежал совершенно обессиленный от болезни, мне все же пришлось приняться за дело».

...275 лет спустя. Виктория продолжала рассказывать: «Две наши яхты — „Чукотка“ и „Русь-2“ встретились только на Командорах, на острове Беринга. „Русь-2“ пришла на сутки позже „Чукотки“. Сойти на берег смогли только на вторые сутки...» Сейчас Виктория не в силах сдержать смех, рассказывая, как вместе с экипажем яхты «Русь-2» добиралась до берега. Но тогда ей было явно не до шуток. Переправлялись на тузике — маленькой шлюпке. Дно хорошо видно — большие водоросли, камни. И вот тут она впервые испугалась. Шлюпочка, как детская яхточка, — крошечная, а в неё уселось аж пять человек! Вода вокруг — ледяная. У Виктории назойливо крутилась одна мысль в голове: «Сколько прошли, и вот так по-глупому утонуть у самого берега?!» Товарищи по команде заметили её испуг и принялись нарочно раскачивать тузик и поддразнивать: «Прошла по океану в шторм, а здесь боишься?!» Не верили. Но многоопытный и великодушный Валера Сигитов — он ведь почти готовый яхтенный капитан! — понял, что это правда и остановил ребят.

Яхтсмены с трепетом ступили на долгожданную землю, именованную в честь командора, и направились к кресту Беринга на склоне бухты. Стояли в молчании. Думали о людях, погибших здесь два с половиной века назад, ради которых они и пришли сюда...

... Из записок старшего офицера пакетбота «Святой Петр» Свена Вакселя:

«В бытность нашу на сем острове жили весьма пребедно, понеже жилища наши были в ямах, вырытых из песка и покрытых парусами. И в собирании дров имели чрезвычайную тягость, ибо принуждены были дрова искать и собирать по берегу

Дров было мало, таскали стволы и пни, выброшенные морем

морскому и носить на плечах своих лямками верст по 10 и по 12. А в то время мы и люди команды нашей почти все одержимы были жестокою цинготною болезнью, и так долго оною мучимы были, что многие уже свободу получили во время весны, как стала выходить свежая трава, которую употребляли в пищу. Пропитания ради чрез всю зиму за неимением провианта <...> мы принуждены были ходить по берегу морскому и отлучаться от жилища своего расстоянием верст по 20 и по 30 и стараться о том, чтоб убить себе на пищу какого морского зверя. <...> Ветры с пургами бывают на том острове во время зимнее весьма жестокие, и можно сказать, что мы от декабря месяца до самого марта редко видали красный день».

...275 лет спустя. Я слушала рассказ Виктории о диком далёком острове на Командорах, где уже второй сезон — в 1979-м и в 1981-м — шли археологические раскопки, в которых участвовали курсанты из Дальневосточной «инженерной мореходки» — добровольцы «сухопутного» отряда экспедиции «Беринг-81». На островном берегу Виктория замороженно смотрела на землянки, уже освобождённые от сплошных зарослей травы и низкорослой стелющейся рябины. Всё, что было прочитано до сих пор в воспоминаниях и исследованиях, услышано от людей, посещавших зимовку, приобретало зримые очертания. Вот она речка, вот крест, вот землянки... Но здесь, на севере, почва, оказывается, невероятно уязвимая. От копателей-«сухопутчиков» Виктория слышала, что свой лагерь они устроили метрах в трёхстах пятидесяти от землянок, на другом берегу реки Командорки, стараясь как можно осторожнее ходить по месту зимовки экипажа пакетбота. Они даже показали яхтсменам

Андрей Станюкович

Марина Сергеевна Шемаханская

след вездехода, прошедшего несколько лет назад к самому кресту. Там, где он развернулся, до сих пор не растёт трава. И по несколько раз в день копатели совершали переправы вброд через Командорку, переносили на плечах тех, у кого не было высоких болотных сапог...

Экспедиция «Беринг-81» разрасталась. К ней присоединились известные учёные-профессионалы. Старшим по раскопкам был Андрей Кириллович Станюкович⁵. Интереснейшая фигура. К сожалению, в 2015-м его не стало. Он из старинного дворянского рода Станюковичей, среди его предков были блестящие военно-морские офицеры и известные учёные. А прадед — знаменитый писатель-маринист Константин Станюкович, морскими рассказами которого мы все зачитывались в молодости. Андрей Кириллович с детства увлекался археологией, ходил в Клуб юных археологов при Музее истории и реконструкции Москвы, но после школы, как и Виктория, поступил в МВТУ им. Баумана. Стал физиком, даже защитил диссертацию. После защиты сменил профиль научной деятельности и занялся исследованиями на стыке гуманитарных и естественных наук, — даже ввёл термин «археологическая геофизика» — и начал применять в археологии металлодетекторы. Постепенно, с годами, чистая физика стала отходить на второй план, и Андрей Кириллович Станюкович вернулся в свою

юношескую страсть — археологию, в которой состоялся как крупный учёный и исследователь.

Присоединилась к Командорской экспедиции и другая, признанная в исторической науке личность — художник-реставратор высшей категории Марина Сергеевна Шемаханская⁶. Она ведала восстановлением найденных металлических предметов.

«Беринг-81», как выяснилось, была уже 17-й по счету экспедицией, которая за два прошедших столетия пожаловала на остров Беринга. И только в третий раз в этих экспедициях участвовали профессиональные археологи. Причём, «технически вооружённые». На пирсе посёлка Никольское грузинский кран, пытаясь от натуги, перенёс с небольшой самоходной баржи два металлических поддона, заполненных приборами, спальными мешками, химикатами для реставрационных работ, палатками и прочим экспедиционным грузом, и оставил всё это прямо у ног экспедиционников. Андрей Кириллович Станюкович с Мариной Сергеевной Шемаханской сразу занялись замерами на прибрежных низменных равнинах — низины затоплялись во время морских приливов и обсыхали при отливах. Работали, помимо всего прочего, с помощью специального поискового прибора — квантового магнитометра, созданного на одном из ленинградских заводов. Станюкович не просто управлял им — на всё экспедиционное время как бы сросся с «умным» поисковиком. «Сухопутчикам» запомнилась первая находка — какой-то непонятный красно-бурый ком. По мере того как осыпался песок,

⁵ Андрей Кириллович Станюкович (1948–2015) — старший научный сотрудник ВНИИ физико-технических и радиотехнических измерений, кандидат физико-математических наук, археолог, доктор исторических наук, писатель, член-корреспондент Российской академии естественных наук, действительный член Российского Дворянского собрания.

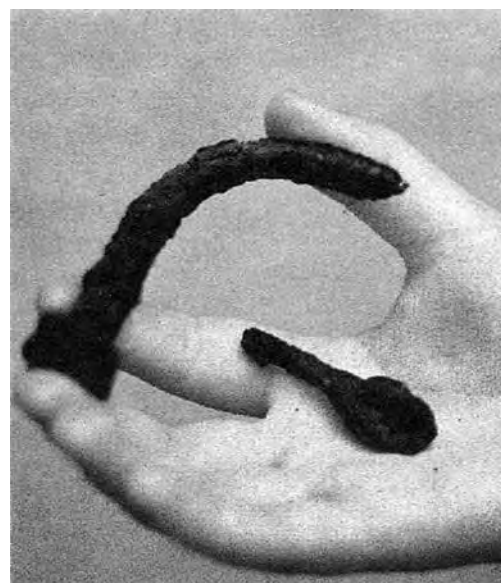
⁶ Марина Сергеевна Шемаханская — заведующая отделом исследования, консервации и реставрации музейного металла ГосНИИ реставрации, доктор технических наук.

**Андрей Кириллович
Станюкович во время
археологических работ**

**В этих землянках
зимовал экипаж
пакетбота «Святой Петр»**

**Корабельный гвоздь и чайная
ложка, найденные на месте
стоянки русских мореходов**

насквозь пропитанный и скреплённый ржавчиной, всё более угадывался большой, сантиметров этак 25, четырехгранный кованый гвоздь. Оказывается, зимовщики распрямляли уже бывшие в употреблении гвозди и наиболее хорошие из них перековывали и пускали в дело. После первой находки у копателей работа пошла, азартнее, но труднее. Очередной гвоздь, бусинка, фрагмент фарфоровой чашки или осколок штофа — всё вызывало у ребят интерес, всё требовало ответа...

Виктории хоть и не довелось ничего самой раскапывать, но убедилась воочию, как сырой климат Командор пагубно сказался на металлических предметах, оставленных на острове экипажем «Св. Петра». Догадаться с ходу, что являет собою тот или иной предмет в действительности, когда он представал перед глазами бесформенной массой, было просто невозможно. Три-четыре гвоздя, спянные проржавевшим песком, бывали величиной с голову телёнка...

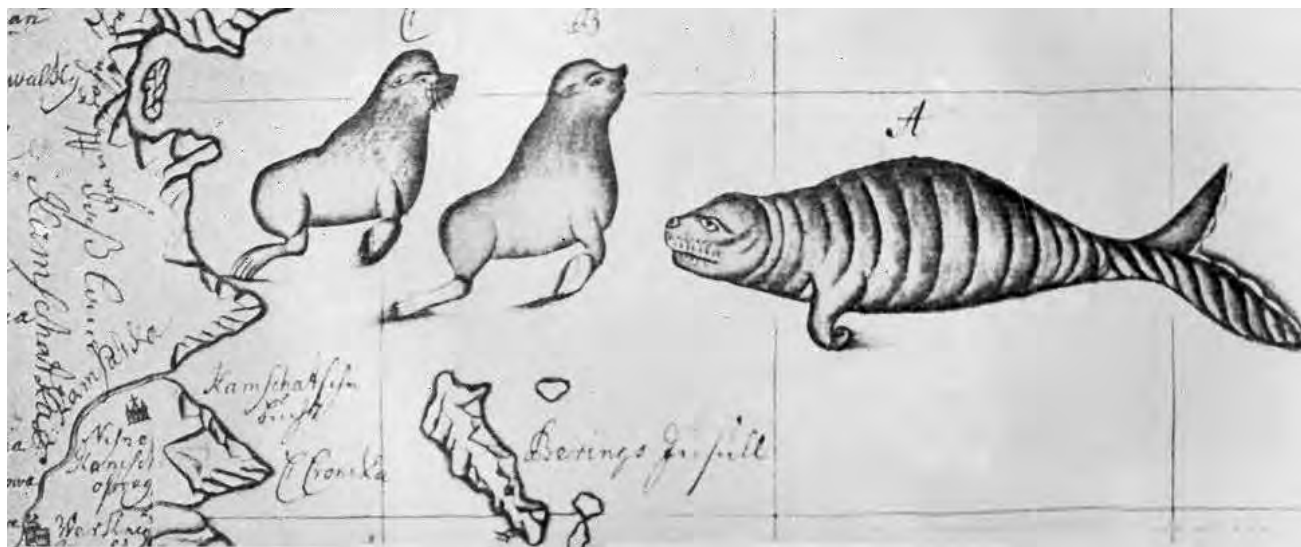
Копатели делились с яхтсменами первыми впечатлениями. Когда снимали дёрн с будущего раскопа и начали выемку грунта, Андрей Кириллович Станюкович руководил курсантами-дилетантами с каким-то внутренним тактом, без лишних слов. Глава экспедиции, археолог Виталий Дмитриевич Ленков⁷, добрейший человек, судьба которого неразрывно связана с дальневосточной наукой, — увы,

его тоже уже нет на свете, — глядя на Станюковича, одобрительно говорил: «Добрая школа... Хотя и геофизик. Он ведь с детства в археологии...»

Каждый день приносил всё новые и новые находки. Плотницкие и абордажные топоры, наконечники копий, кремни для ружей и пистолетов... К моменту прибытия на остров двух яхт «морского» отряда экспедиции — «Чукотки» и «Руси-2» — уже обнаружили 2 топора, 4 ядра, скребок для очистки днища судна, абордажный топор, пряжку от портупей, пули (в том числе отлитые на месте зимовки), гвозди, остатки литья металла (члены экипажа «Св. Петра» соорудили на земле кузницу), ружейный штык, много пуговиц, осколки от посуды и оконной слюды, много бисера и бус для туземцев... Половину вещей Марина Сергеевна Шемаханская уже отреставрировала, другая часть ждала приведения в порядок. Но главные находки были впереди. Это пушки с пакетбота, замытые прибойным песком. Андрей Кириллович Станюкович, вооружённый магнитометром, предполагал, где они находятся. Над пушками возле самой воды соорудили заборчик из досок. Но вытащить их с двухметровой глубины без мощной техники было невозможно...

Наконец, начались большие отливы. Экскаватор из Никольского, единственного на острове посёлка, добирался до бухты Командор двадцать часов. До нужного места через каменные россыпи, по забитым гниющими водорослями берегам его дотаскивали на коротком буксире за вездеходом. Начали копать. С каждым новым движением ковш теснее становилась толпа, окружившая раскоп. Металлический скрежет под песком насторожил.

⁷ Виталий Дмитриевич Ленков (1938–1995) — кандидат исторических наук, заведующий лабораторией физико-технических методов исследования, — тридцать один год проработал в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ДВО РАН).

Морская корова Стеллера. Ни одно другое животное не было истреблено человеком так стремительно, как стеллерова корова. С момента её официального открытия и до полного исчезновения прошло всего каких-то 27 лет. Уже в 1768 году стеллерова корова исчезла с лица земли. *Рисунок Свена Вакселя*

Экскаватор выпрямил стрелу, и все замерли в недоумении. На зубьях ковша мерно покачивалась... гнутая-перегнутая кровать. Андрей Кириллович подошёл к ней вплотную и с недоверием потрогал руками. «Вторая половина двадцатого века», — промычал он. А вечером у костра указал в сторону ещё одного котлована, залитого приливной водой: «Они там — в воде». Днём Станюкович показал экскаваторщикам, где копать. «Здесь, — он носком сапога начертил на песке круг и ещё раз негромко, но уверенно повторил: — Здесь». Через два часа зубья экскаватора зацепили в глубине что-то, явно металлическое — и ковш вывернул из мутной коричневой жижи длинный толстый предмет. Тишину над бухтой резнул крик: «Вот она!..» Из воды вывернулось массивное тело пушки и соскользнуло в котлован — в коричневую смесь воды, гальки и песка. «Веревку!.. Конiec давай! Давай скорее конiec!» — крикнул Станюкович. Не упустили под воду первое из найденных орудий. Вытащили 400-килограммовую пушку, крепко схватив верёвочной петлёй... Потом вездеходом оттащили пушку к ручью, смыли соль. Реставратор Марина Шемаханская очистила место, где должно находиться клеймо — ведь по указу Сената на демидовских заводах Урала специально изготовили якоря, пушки, ядра, дробь «и протчия железныя вещи» для пакетбота «Святой Петр». Но только спустя несколько дней археологи убедились в принадлежности орудия уральскому Каменскому заводу. Да, это была пушка Беринга!

Вечером лагерь гудел. Археологи, как и копатели-добровольцы, сияли улыбками, хлопали друг друга по спине. А наутро — снова дупешки. Наследующий день — ещё одна!.. Спустя двасполовиной века солнечный свет вновь заиграл на шершавых боках изделий старых уральских мастеров. Экспедиции «Беринг-81» удалось найти под слоем прибрежного песка семь затонувших чугунных пушек с пакетбота «Св. Пётр». Правда, по подсчётам, это не всё. Новолны заставили экскаватор отступить. Начались большие приливы... **Никто пока не ведал, что только через десять лет возобновятся раскопки — и найдут могилу самого Беринга, и его череп — и это перевернёт представления о внешности командора и причине его смерти, и неутомимый Станюкович откапает ещё 6 пушек... Действительно, едва ли на островных берегах, да ещё и на трёхметровой глубине, нашли бы орудия без квантового магнитометра и без самого Андрея Кирилловича...**

...Из записок старшего офицера пакетбота «Святой Петр» Свена Вакселя:

«Весь ноябрь и декабрь 1741 года мы провели в величайших страданиях. За это время умерло около тридцати человек, не считая тех, которые скончались во время плавания и были выброшены в море. <...> К концу января 1742 года <...> море выбросило, к нашей большой радости, мертвого кита длиной в восемь сажень. Мы любовались на кита и называли его нашим провиантским магазином... <...> Мне в особенности приходилось тяжелее, чем прочим, так как со мной был мой родной сын, мальчик двенадцати лет, служивший в то время волонтером; теперь он лейтенант российского флота, имя ему — Лоренц Ваксель. Ему, конечно, хотелось съесть такую же долю, как и мне; и мы с ним договорились, что тому из нас, кто за обедом получал

три ложки китового теста, вечером доставалось всего две ложки. <...> Испытывали мы недостаток в топливе. Это побуждало нас иногда поедать наши «деликатесы» почти сырыми. <...> Не приходилось обращать внимания на звание или чин, а все руководствовались правилом: «кто не хочет работать, тот да не ест». <...> От жестоких ураганов и штормовых ветры <...> паруса, составлявшие крыши наших землянок, быстро ветшали и <...> разлетались при первом же порыве ветра, а мы оставались лежать под открытым небом. <...>

Между тем приходил к концу март 1742 года. Земля почти полностью очистилась от снега, все наши люди были на ногах. <...> Я приказал всей оставшейся в живых команде, числом сорок пять человек, собраться, чтобы иметь возможность поговорить с ними всеми одновременно. <...> Решили, разобрав наше старое судно, набрать из него такое количество теса, какое нужно для постройки меньшего судна, на котором мы все вместе и одновременно могли бы спастись из этого несчастного места. <...>

Я нашел, как найти пропитание. В море ходили довольно большие косяки морских коров, которые питаются морской травой и во время отлива отходят от берега, а во время прилива опять к нему приближаются. Эти животные никогда не выходят на сушу, а остаются постоянно в воде. <...> Коровы морские немало корпуса, ибо в одной корове мяса будет не меньше 200 пудов. Пять или шесть человек брали в лодку крюк (предварительно очень остро отточенный) и совсем тихо подплывали к зверю, Один из самых сильных людей нашей команды становился на нос лодки и, когда она приближалась к добыче, вонзал крюк между ребрами животного. Тогда все мы, около сорока человек, ухватывались за перлинь... <...> Из всех разнообразных видов пищи,

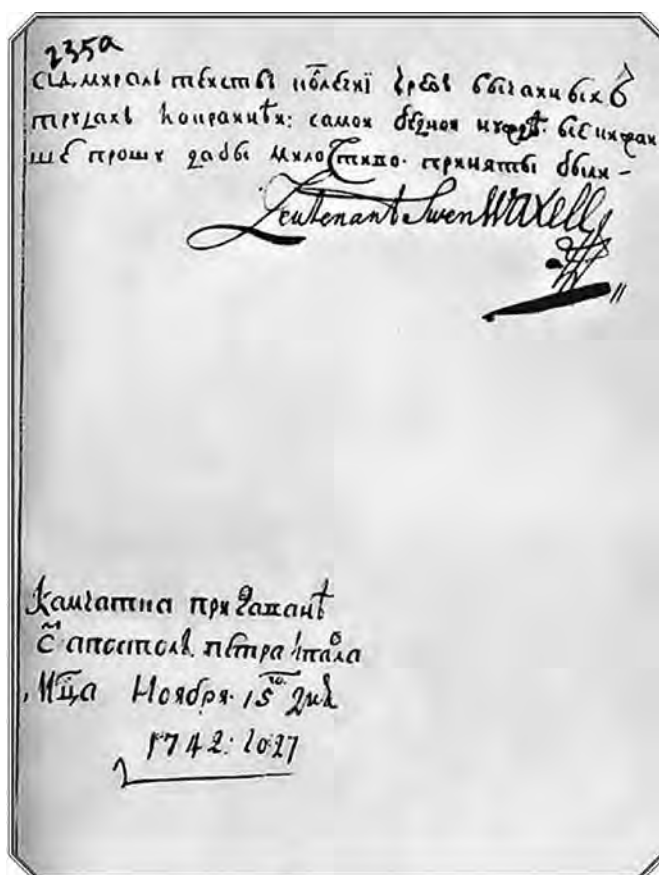
которую нам пришлось употреблять во время пребывания на острове, мясо морских коров оказалось самым лучшим. Оно очень вкусно и весьма полезно для здоровья, так как морская корова ничем другим не питается, как только морской травой. После того как мы стали его есть, мы почувствовали себя несравненно лучше и совершенно выздоровели. <...> А вследствие этого работа наша пошла настолько успешно, что к концу мая остов судна был совершенно готов, все шпангоуты укреплены на месте, и в начале июня мы могли уже приступить к укреплению наружной обшивки. <...> К концу июля судно было совершенно готово, и оставалось только сделать помост, на котором предстояло спустить его на воду. <...> Главное, что меня беспокоило, это необходимость спустить судно в открытое море в таком месте, где <...> его не выкинуло бы на берег. Иначе <...> все наши труды и старания пропали бы даром, и последняя надежда на спасение была бы потеряна. <...> Приходилось идти на риск — и 10 августа к концу дня, при полном приливе, мы, наконец, спустили судно на воду. <...> Немедленно же мы приступили к погрузке на борт воды, всего нашего провианта и багажа... <...> Новое судно мы назвали «Святой Петр». По справедливости, ему, построенному из частей старого, надлежало присвоить то же имя. Оснастка его была сделана наподобие одномачтового гукера. <...> Оно шло под парусом так хорошо, как только можно ожидать от судна такого типа. <...> Это судно еще в 1752 году было в плавании, выполняя грузовые перевозки между Охотском и Камчаткой. <...> 17 августа мы увидели землю <...> — берег Камчатки, севернее Авачинской губы. <...> 26 августа благополучно добрались до Авачинской бухты, а 27 августа 1742 года бросили якорь в Петропавловской гавани...»

Вид Петропавловской гавани с моря. Гравюра XIX в. по рисунку В.Г. Тилеузиса, сделанного им с натуры во время первой российской кругосветной экспедиции

О СУДЬБЕ РУКОПИСИ СВЕНА ВАКСЕЛЯ

Штурман пакетбота «Святой Пётр» Свен Ваксель в ходе Второй Камчатской экспедиции и во время вынужденной зимовки на необитаемом острове (позже получившем имя Беринга), вел журнал. Эти записки легли в основу книги штурмана Вакселя, написанной по-немецки и законченной в 1758-м году под названием «Извлечения из моего журнала, а также из журналов других офицеров, которые мы вели во время камчатской экспедиции». Книга никогда не публиковалась в России. В 1891-м году о существовании рукописного труда Вакселя впервые сообщил учёный-хранитель Зоологического музея Российской академии наук Евгений Александрович Бихнер. Выдающийся зоолог, работая над научной статьёй о вымершей тихоокеанской морской корове, натолкнулся на неизданные записки Свена Вакселя. Эта книга, по словам Е. А. Бихнера, хранилась тогда в Царскосельском отделении собственной Его Императорского Величества библиотеки. Бихнер не мог установить, когда и от кого поступила рукопись в дворцовую библиотеку. А три десятилетия спустя — в 1920-е годы — её захотел воспользоваться известный американский историк Фрэнк А. Толдер, работавший тогда в Петрограде, но он уже не смог получить рукопись Вакселя: она оказалась утраченной. Однако, к счастью, не исчезла. После революции 1917-го года бывшую Царскосельскую дворцовую библиотеку ликвидировали — и рукопись Вакселя попала к частному лицу. Во всяком случае, географ и зоолог Лев Семёнович Берг, будущий президент Географического общества СССР, в 1922-м году пользовался ею для своей работы об «Открытии Камчатки и экспедициях Беринга». С тех пор никаких известий об этой рукописи не было. И вдруг, в последние месяцы 1938 года в газетах появилось объявление, что рукопись Вакселя продаётся в одном из ленинградских книжных магазинов. Эта объявление откликнулась Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и приобрела

Последняя страница рукописи Свена Вакселя

манускрипт. Он оказался тем же самым, который держали в руках и Бихнер, и Берг. Рукопись по-прежнему находилась в переплёте и содержала 203 страницы, густо исписанные по-немецки чётким почерком Вакселя. К рукописному тексту были приложены рисунки и карты. Ленинградская Публичная библиотека взяла на себя инициативу перевести книгу на русский язык. Перевод труда С. Вакселя выполнил главный библиотекарь отдела рукописей ДРБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Ю. И. Бронштейн, который составил также примечания к запискам Вакселя. Книга была опубликована в 1940 г. под названием «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга».

Татьяна Торкина, редактор «АМ»

...275 лет спустя. Виктория показала мне фотографию, ещё чёрно-белую, потому что снималось фото 35 лет назад на острове Беринга — на снимке яхтсменка Виктория Островская, участница экспедиции «Беринг-81», выступает на митинге, созванном в память о мореходах-командорцах, навсегда оставшихся на этой островной земле.

Создать на Командорах мемориал — на это тоже была нацелена научно-историческая и спортивная экспедиция «Беринг-81». Яхта «Чукотка», уже побывавшая здесь два года назад, в 1979-м, на этот раз доставила на остров Беринга мемориальные плиты. Пришёл в бухту Командор на «Чукотке» и яхтсмен-художник Фёдор Конюхов — два с лишним года по собственным эскизам мастерил он эти памятные доски. Тридцать пять лет назад Фёдор Конюхов ещё не был всемирно известным путешественником-экстремалом. Лысенко явно питал к нему слабость, на многие годы сделался учителем и наставником и брал с собою в плавания. На Командоры Фёдор, как и Виктория, ходил на яхте простым матросом. Родом он из рыбацкого села на Азовском море, с детства мечтал о дальних рейсах. Мальчишкой — один — дважды на небольшой вёсельной лодке переплыл Азовское море. После окончания десятилетки махнул в Ленинград. Ходил на спасательных судах, был в Испании, Ирландии, на Канарских островах... А потом сделал резкий поворот — поступил в Бобруйское художественное училище. После окончания уехал в Находку и, проработав некоторое время при главном архитекторе города, снова ушёл в плавание мотористом. Много писал, оставляя на ночь мольберт прямо на палубе, лишь укрыв его брезентом. Летом 1979-го, накануне первого похода «Чукотки» на остров Беринга, Конюхов, работавший художником в Находкинском порту, получил радиogramму от Лысенко: «Идём на Командоры. Зайду за вами, готовьтесь...» Вот тогда, в свой первый поход на Командоры в 1979-м году, Фёдор Конюхов задумал сделать памятные доски, только долго не мог остановиться на материале для плит. Зная про островное безлесье, про то, как дорожили зимовщики с пакетбота «Св. Петр» любой палкой, любым древесным обломком, заброшенными сюда морскими волнами, решил выбрать для мемориала именно дерево. В Дальневосточном пароходстве, прослышав о намерении находкинского художника, предложили использовать куда более долговечный материал — мрамор. Конюхов не прореагировал. Борис Всеволодович Метелёв — помощник начальника Дальневосточного пароходства, тоже лично участвовавший в Лысенковских научно-исторических «беринговых» экспедициях, — вызвался походатайствовать, чтобы Фёдору как-то оплатили часть его работы. Дескать, вполне правомочно,

если бы в создании этого мемориала участвовали моряки пароходств всего Дальневосточного бассейна. Фёдор решительно отказался: «Нет, не могу. Понимаешь, Борис, это мой личный вклад. Моё огромное уважение к подвигу русских моряков...» Яхтсмен-художник предпочёл рукодельничать бесплатно — сам подбирал материал из прочного сибирского кедра, сам сушил его и обрабатывал, вываривал многократно в специальном составе из воска и смол по старинным русским рецептам, «чтобы стояли сотню лет и боле», сам вырезал на них имена членов экипажа пакетбота «Св. Петр»...

Вечером, накануне митинга, яхтсмены, приплывшие на «Чукотке» и «Руси-2», установили метрах в пятидесяти от Берингова креста на склоне мыса Командор две мачты с поперечной перекадиной. Наподобие ворот в виде громадной буквы «П». Под «воротами» насыпали небольшой искусственный бугорок. На бугорке соорудили металлическое основание — раму. А на раму уложили пять деревянных плит с именами тех, кто не возвратился на родную землю, и чей прах покоится в океанской пучине и в земле острова. И накрыли все пять досок белоснежным парусом.

Утром следующего дня в бухту Командор, где белел на склоне мыса яхтенный парус, закрывающий плиты, потянулся народ. А по узкой полоске берега, ловя благословенный момент отлива, быстро приближались туда машины и вездеходы с командорцами. Люди одолели 70 тяжелейших километров по куцей береговой кромке, по ухабам, по бездорожью. Многие из прибывающих никогда не бывали в бухте Командор. А теперь она, эта бухта на краю российской земли, впервые была в праздничном убранстве. Около часа дня все поднялись на сопку. Неподальёку от креста Беринга на двух мачтах с перекадиной — «воротах» над белым парусным покровом плит, — полоскались на ветру разноцветные флаги, каждый из которых что-то символизировал. А рядом, в море, покачивались на лёгкой зыби две яхты: «Чукотка» и «Русь-2», — тоже по-морскому празднично украшенные хлопающими на ветру флагами. Возле «ворот» над прикрытыми мемориальными плитами выстроились люди. Затрещали кинокамеры, защёлкали затворами фотоаппараты. С яхты «Чукотка» дали залп. В полной тишине торжественно соскользнул символический бело-парусный покров с памятных досок и плавно распростёрся у ног митингующих. Открылись мемориальные плиты. И предстала перед глазами надпись, повторяющая строки из дневника члена экипажа Свена Вакселя, которые старинным славянским шрифтом вырезал на деревянных досках художник. Надпись гласила: «Служителям команды пакетбота „Св. Петр“, которые по выходе из гавани Святой апостол

Фёдор Конюхов с памятной доской

Капитан «Чукотки» Леонид Лысенко и художник-яхтсмен Фёдор Конюхов у мемориальных плит

Мемориал был открыт. К доскам памяти легли цветы

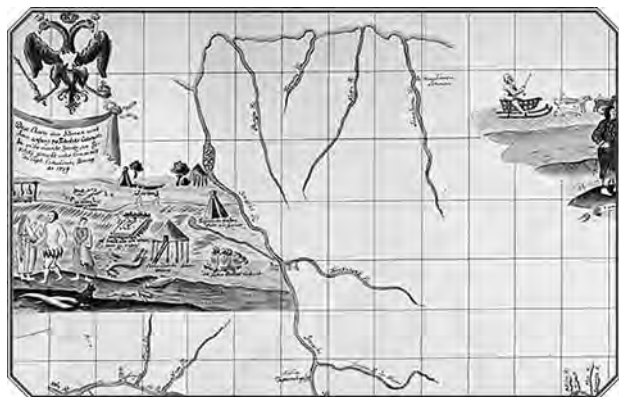

Яхтсменка Виктория Островская, участница экспедиции «Беринг-81», выступает на митинге в бухте Командор

Петра и Павла в 1741–1742 году в бытность на море и во время зимования на острове, померли цынготной болезнью, а кто имины и которого чина, о том значит ниже сего, а этот остров, на котором они зимовали, назван от их имени остров Берингов». Далее — 31 фамилия погибших в экспедиции. И в конце: «Яхта „Чукотка“ ДВВИМУ, г. Владивосток, 1981 г.».

Яхтсмены и «сухопутчики», выстроившись позади досок, зажгли фальшфейеры. Трижды разорвали тишину над бухтой автоматные очереди. Так по старинному морскому обычаю — салютом и минутой молчания — участники митинга почтили память «Коломбов русских». Мемориал был открыт. К доскам памяти легли цветы.

А потом участники экспедиции познакомили командорцев с результатами своих трудов. Ценные исторические находки лежали тут же, возле палаток исследователей, и толпа островитян с интересом слушала темпераментные пояснения археологов Станюковича и Шемаханской. Леонид Лысенко тоже подвёл итог шестилетней работы. Дескать, потомки не просто чтут память отважных путешественников. Потомки скрупулёзно изучают наследие походов великого командора. Восстановили

Карта, составленная Берингом в 1729 г., по результатам Первой Камчатской экспедиции

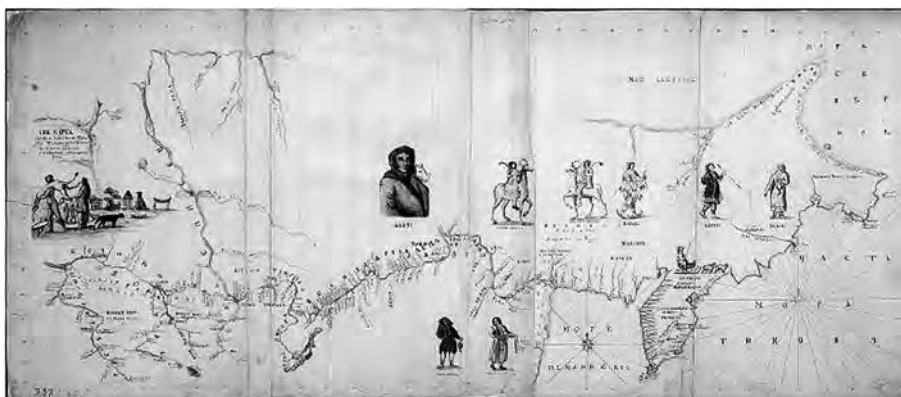
действительный путь «Святого Петра» при подходе к острову Беринга, разобрались в объяснении карт и вахтенного журнала Беринга. И наблюдения их совпали — это говорит о приоритете его географических открытий. Словом, экспедиция справилась со своей задачей и вправе уведомить о результатах Географическое общество СССР.

... Из путевых дневников капитана Джеймса Кука. Третье путешествие (1776–1780). Плавание в Тихом океане. (Английский мореплаватель Дж. Кук почти через 40 лет после Витуса Беринга частично повторил маршрут русского командора-первопроходца. — Прим. ред.)

«Пятница, 4 сентября 1778 г. Я направился на С, чтобы осмотреть остров Св. Лаврентия, открытый капитаном Берингом. <...> Я решил, что это тот самый мыс, который капитан Беринг назвал East point of Suchotski [Угол Чукоцкой] или мысом Чукотским, вероятно, по тем представителям народа, которые к нему здесь приходили. <...> Отдавая должное памяти Беринга, я должен сказать, что он очень хорошо обозначил этот берег, а широты и долготы его мысов определил с такой точностью, которую трудно было ожидать, учитывая те способы определений, которыми он пользовался. <...>

Суббота, 5 сентября. Удостоверившись в точности открытий, совершенных в этих местах упомянутым джентльменом [Берингом], я повернул на О, поскольку желал либо подтвердить, либо опровергнуть сведения, относящиеся к последующим годам. <...>

Суббота, 10 октября. Мой офицер возвратился на корабль с тремя русскими матросами или меховщиками (furriers), которые с другими [своими земляками] жили в Эгучшаке. <...> Все трое, видимо, <...> знали <...> об открытиях, совершенных Берингом, Чириковым и Шпанбергом. <...> Один

Другая карта, составленная Берингом после Первой Камчатской экспедиции

из этих людей сказал, что он участвовал в американском плавании Беринга. Видимо, он был тогда очень молод, потому что и сейчас казался человеком не старым. Редко в памяти остается такое высокое уважение, с каким эти люди относились к Берингу, — возможно, потому, что благодаря ему торговля мехами распространилась к востоку. Она и была причиной злосчастий этого одаренного мореплавателя, ибо, если случай и бедствия не привели бы его на тот остров, где он скончался, который носит его имя, русские, вероятно, никогда бы и не подумали о дальнейших открытиях на американском берегу, да и об этом с тех пор заботилось не правительство, а [русские] купцы.

Понедельник, 19 октября. По моему приглашению явился на корабль со своими соотечественниками русский — его имя было Ерасим Грегоров Син Измайлов [Герасим Григорьевич Измайлов] — <...> и привез с собой карты, разрешив мне их скопировать. Это были две рукописные карты, по всем признакам подлинные. <...> Вторая карта была для меня гораздо интереснее, так как она заключала в себе все открытия, совершенные русскими [Берингом и Чириковым] к востоку от Камчатки по направлению к Америке. <...> Было показано место, где высаживался Беринг. <...>» (Как уже упоминалось, в секретной правительственной инструкции к путешествиям Джеймса Кука содержался особый пункт о вводе во владение британской короны земель, которые будут открыты в плавании, если эти земли не были прежде открыты подданными других европейских держав. Оговорка об «открытиях подданных других держав» не помешала впоследствии Дж. Куку ввести во владение Его Величества берега, открытые Берингом. Все данные его экспедиций ранее объявлялись секретными, и Дж. Кук должен был по прибытии в Англию отобрать у своих спутников дневники. — Прим. ред.)

...275 лет спустя. Из рассказов Виктории я узнала, что за сухопутным отрядом экспедиции «Беринг-81», по окончании работы на Командорах, пришёл теплоход, чтобы напрямик доставить во Владивосток. «Сухопутчики», перед тем как погрузиться в вездеход, вновь прошли вдоль засыпанных теперь уже землянок — таков закон археологических исследований: закончил раскопки — законсервируй раскоп. По тропинке поднялись к мемориалу морякам пакетбота «Святой Петр». У ног лежала вся бухта Командор. И опустевшие дюны на правом берегу Командорки. Там, где ещё вчера поднимали из-под песка пушки, безмятежно плескались волны

Яхта «Чукотка» из бухты Командор пошла к острову Медный — исследовать этот второй из Командорских островов. А «Русь-2» — и Виктория вместе с нею — отправилась в Усть-Камчатск. Там предстояло расстаться с яхтенным капитаном Юрием Рохиным и его яхтой «Русь-2», потому что на ней кончился газ. В обратный путь — во Владивосток — отправились все вместе на «Чукотке». Я прочитала в морском дневнике Виктории: «Идём в открытый Тихий океан. А он совсем не тихий — опять двухдневный шторм. А сама яхта после самодельной маленькой „Руси“, где нельзя в каюте встать во весь рост, кажется большим кораблем...»

Всего за 5 суток «Чукотке» удалось пересечь Охотское море — самое коварное на пути, но вовсе не последнее испытание. Но штурманское мастерство капитана вывело парусник точно на знакомый старый Анивский маяк на острове Сахалин.

Это был замечательный подарок к 300-летию дня рождения Беринга, которого ждали с нетерпением. Полный штиль. Купание в ночном море. Фосфоресцирующая вода вокруг тел пловцов. Так начиналось 1-е августа 1981 года — день, когда появился на свет будущий великий командор ...

Старый Анивский маяк на острове Сахалин

**Матросы Виктория Островская
и Фёдор Конюхов на яхте «Чукотка»**

Экипаж «Чукотки» славно отметил 300-летие со дня рождения Витуса Ионассен Беринга — Иван-Иваныча, как звали его тогдашние русские матросы. Ну, и нынешние яхтсмены — тоже. В честь «росско-го Колумба» команда умудрилась приготовить что-то вроде торта «наполеон». Для крема ребята два часа варили в кипятке банки со сгущённым молоком. А Виктория испекла коржи... на эмалированной крышке от ведра. Сочинили стихи — на яхте был объявлен конкурс, пели песни — всё, как на большом празднике. И даже получили гостинцы от встретившихся рыбаков. Те наполнили водой пустые баки на «Чукотке» и подарили ящик галет. И сам Беринг как бы присутствовал на своём трёхсотом дне рождения — смотрел на пирующих с переборки в каюте. Там висел большой портрет командора, выполненный Фёдором Конюховым из разных пород дерева. **Правда, тогда экспедиционники ещё не знали, что на портрете изображён не настоящий Витус Беринг... (Об этом читайте в следующем выпуске «АМ» № 38. — Прим. ред.)**

В тот день яхтсменов ожидало ещё одно редкое событие — затмение солнца. Они воочию увидели, как тень Луны двигалась по поверхности Тихого океана, и у Виктории возникло неизъяснимое ощущение страха. Небо вокруг вмиг потеряло краски и стало серым, как будто цветной фильм превратился в чёрно-белый. А дрожащая океанская вода сделалась похожей на сталь. Всё вокруг затихло и начало давить...

«Чукотка» спешила к финишу — во Владивосток. С дареными галетами и пресной водой на борту можно было идти, никуда не заходя. Но в проливе Лаперуза рано утром, когда парусник шёл между

Камнем опасности и мысом Крильон — южной оконечностью острова Сахалин — мореходов подстерг тайфун «Санта Мария». Имя — нежное и ласковое, но, увы, только имя.

Виктории никогда не забыть, как яхта с бешеной скоростью неслась по заливу Анива сквозь непроглядный туман. Мчалась среди судов, убегающих от стихии, — совсем рядом раздавались их особые «туманные» сигналы. Плотная густая завеса скрывала всё вокруг. У Леонида Константиновича на шее висела включенная рация. Капитан по радио непрерывно переговаривался с теплоходами и траулерами, чтобы избежать столкновения. Ливень хлестал, как из шланга. Виктория, стоя на корме, видела противоположную часть «Чукотки», то есть её киль, когда яхта взлетала на самую вершину волн — величиной с трёхэтажный дом, а потом парусник проваливался, как в пропасть, между волнами. Это повторялось снова и снова. Наконец, добрались до гостеприимного Корсакова и сутки там отсиживались. И опять — в путь. Привычно несли вахту, привычно варили сахалинскую картошечку в «мундире» и вспоминали оставленный порт... Но, при подходе к японскому острову Хоккайдо, «Чукотку» настиг «Филлис» — третий по счету тайфун. И опять яхта то взбиралась на высокий гребень, то скатывалась с него, как с американской горки. Неистовая пучина выплёвывала из пасти пену прямо в крошечных людей. Ветер сдирает с поверхности океана воду и больно кусал лица своими брызгами-иголками. И вдруг к тепл подплыли

дельфины — целая стая. Наверное, чтобы подбодрить. Они выпрыгивали столбиком, крутились в воздухе... Весёлые «дети океана» выкидывали такие пируэты, что измученные мореходы забыли про шторм...

«Чукотка», выскочив из мощных и цепких лап тайфуна «Филлис», прошла, наконец, прижимаясь к японскому острову Хоккайдо, пролив Лаперуза — правда, только с третьей попытки. А тайфун постепенно сменил направление...

До финиша оставалось идти недолго. Матросы «Чукотки» взялись за генеральную уборку на яхте — мыли, сушили, драили. А потом собирались все вместе в кокпите и мечтали вслух о будущих походах, вели разговоры о том, о сём, слушали рассказы Леонида Константиновича и Федора Конюхова. Оба были замечательными рассказчиками. Виктория размышляла над сказанным Лысенко, негромко и раздумчиво, как бы для себя, про дальние походы. Дальние походы — это же поиск. Причем не только исторический, но и духовный. Открывая прошлое, мы открываем самих себя. И отдаём долг, возрождая память о моряках-первопроходцах...

И вот уже пришли во Владивосток. Яхту приветствовали встречные суда. Пришвартовались на водной станции Дальневосточной «инженерной мореходки». Поход успешно завершился. Звуковая ракета, запущенная из пушки с кормы, оповестила об этом.

(Окончание следует)

Поход успешно завершился

